

Торсо

Покуда я держу глаза широко раскрытыми, а дыхание — ровным, даже среди руин можно обрести утешение. Места, где стерлись следы шагов, свалка вещей, утративших свои имена, теневая сторона, куда отвернулся свет, — всё это дарит мне покой.

Даже если я отправляюсь в одиночку туда, где не ступает нога человеческая, и до утра перепачкаю руки и ноги в грязи, мне пофиг. Это не просто самоутешение — мне и вправду пофиг.

Я остановился от странного звука, доносившегося откуда-то из тёмного переулка. Мешок за спиной тяжело качнулся. Груз раскачивался взад-вперёд с такой силой, что моё тело непроизвольно двигалось в такт. Лишь крепко упёршись ногами в землю, я кое-как восстановил равновесие.

Я всмотрелся в ту сторону, откуда донёсся звук. Но видел лишь крошечную пустоту — будто кто-то залил всё тёмной материей, не оставив ни единого очертания. Всё, что мне оставалось, — молиться, чтобы этот звук оказался всего лишь криком бродячей собаки или кошки. Лишь бы не живой тварью.

Даже когда всё стихло, я не двинулся с места — ждал. Сейчас не время терять бдительность, если хочешь сохранить жизнь. Но новых звуков не последовало. Я глубоко выдохнул и сделал шаг — и тут же услышал хлюпанье воды.

Пот, стекавший по телу под рабочей одеждой, скопился в резиновых сапогах — там уже образовалась целая лужица.

В этом месте, израненном жестокой битвой, столкнуться с монстром у заброшенных Врат — значит подписать себе смертный приговор. Ни полиции, чтобы охранять запретную зону, ни коллег, чтобы убирать последствия.

На самом деле проникать на территорию Врат без предварительного разрешения незаконно — но, как и всё в этом мире, правила существуют лишь для того, чтобы их нарушать.

Всё начинается с уклонения от налогов. Мэрия кладёт в карман 30–40% от выделенных на зачистку Врат средств. Остальные 60–70% уходят на аутсорсинг — управляющей компании.

Управляющая компания забирает свою долю от суммы аутсорсинга, а остальное передаёт субподрядчикам — частным фирмам. Я же — всего лишь временный работник, которого частенько вызывают из офиса субподрядчика, и делаю работу за двоих по цене полутора.

На объекте вместо отсасывающего устройства мне выдали виниловые перчатки, а вместо тяжёлой техники — арендованный грузовик. Когда экономишь на человеческом труде, жизнь человека превращается в насмешку. Так что я вынужден беречь себя сам. Надеюсь, что на участке не осталось выживших монстров, я собираю куски мёртвых тварей и запихиваю их в мешок.

Я погрузил тяжёлый мешок на складную тележку и вернулся туда, где был припаркован грузовик. В этих Вратах, заполненных руинами рухнувшего города, горел лишь один огонёк. В центре перекрёстка ярко светился рекламный щит, криво висевший на внешней стене шестиэтажного здания.

Я выжал из себя остатки сил и закинул последний мешок в кузов. Мешок, из которого сочилась чёрная кровь, густая, как масло, вовсе не походил на вместилище мёртвого тела.

Лучше бы не было этого запаха — казалось, он исходит от гноящейся раны. Впрочем, обоняние, видимо, уже притупилось — я почти не чувствовал его...

— Уф...

Когда я стянул рабочие перчатки, доходившие до локтей, их внутренняя сторона, насквозь промокшая от пота, вывернулась наружу. Ладонь, впервые за два часа оказавшаяся на воздухе, сморщилась, будто после бани. Пропитанные потом отпечатки пальцев пахли рыбой, запечённой с солью.

Я провёл тыльной стороной ладони по влажному лбу. Одна мысль о том, что я снял перчатки, уже сделала меня чуточку живее. Выпрямив согнутую спину, я без всякой причины поднял взгляд на рекламный щит. Объявление о найме Проводников от «Дешмента» пульсировало ярким светом через равные промежутки.

Современное человечество делится на три типа. Первый — обычные люди, живущие безо всяких мутаций и сверхспособностей. Второй — эволюционировавшие люди, обретшие сверхъестественные силы через приобретённые мутации, — их называют «Ньютайпами».

Среди них выдающиеся Ньютайпы, одолевающие Врата и монстров, удостоиваются звания «Стражей». Они — герои современности, купающиеся во всеобщем восхищении и любви.

Но даже у Стражей есть свои проблемы. Чрезмерные мутации оборачиваются болезнями и болью, а непомерная мощь способна лишить Стража рассудка и обратить его в неистовствующее чудовище. В таких случаях им требуется помощь другого мутанта. Того, кто способен успокоить Ньютайпа и остановить мутации — словно спасительное лекарство. Такого называют «Проводником».

«Дешмент» — первый исследовательский центр, создавший систему классификации Ньютайпов и Проводников, — курирует на международном уровне лишь Стражей и Проводников класса А и выше. Дешмент всегда в центре внимания, но в последнее время о нём говорят на каждом углу.

Виной тому — дурная весть из Дешмента.

«Проводник класса А0 пропал внутри Врат». Сама история звучала скорее нелепо и смехотворно, чем трагично. Беда в том, что пропавший был напарником самого «Чжэ Чауи».

Чжэ Чауи.

Именно он вознёс центральный офис Дешмента в Сеуле на недостижимую высоту и был провозглашён сильнейшим Стражем в мире. Он же — герой того самого рекламного щита у меня над головой, чьё лицо, выведенное на экране, походило скорее на творение рук SD-программиста, нежели на живого человека.

СМИ без устали твердили о здоровье Чжэ Чауи, его распорядке дня, местонахождении и даже диете, заверяя, что он в порядке и по-прежнему силён. Но мир был охвачен страхом.

Люди боялись, что Чжэ Чауи лишится рассудка и устроит погром без Проводника, который удерживал бы его на привязи. А ещё боялись, что отсутствие Чжэ Чауи может обернуться катастрофой у каких-нибудь Врат.

Так прошло пять шумных дней. Похоже, Дешмент смирился с потерей.

Их уже нет в живых.

Это очевидно — ведь до сих пор не нашли ни единого тела. Именно поэтому даже этот прославленный центр готов рискнуть репутацией и вывесить рекламный щит в поисках нового Проводника.

Никаких требований к квалификации и опыту — набор новых Проводников.

Но что я могу поделать... Я — единственный Проводник здесь, кто смотрит на эту дорожную вывеску. Деньги на ветер.

Я опёрся локтем о борт грузовика, и мой наклонённый взгляд идеально совпал с криво висящим щитом. «Никаких требований к квалификации и опыту», — гласит объявление, но на деле они в первую очередь обратят внимание на здоровье, возраст, внешность, образование и опыт работы Проводником.

После долгого собеседования проведут тест на совместимость — проверят, насколько я способен влиять на Чжэ Чауи.

В любом случае, меня это не касается. Если бы у меня была хоть какая-то ценность для теста на совместимость с таким великим Стражем S-класса, я бы не собирал трупы монстров в этот час. Я это знаю.

— Знаю, но...

И всё же я не мог оторвать взгляд от мерцающего щита. Внутри Врат, в такой кромешной тьме, что даже тени не отбрасывает, одно лишь безупречное лицо Чжэ Чауи сияло ярко, словно солнце или луна. Как крыса из сточной канавы, завистливо взирающая на изысканный сыр, я невольно поднимал глаза...

Двадцать лет прошло с того дня, как Чжэ Чауи явился миру с этим пугающе прекрасным лицом и почти катастрофической приливной волной.

Я помню тот день, когда впервые увидел его лицо на экране новостей. Мне было всего шесть лет — я сидел на коленях перед телевизором, сжимая в руке бутылочку йогурта с соломинкой.

На экране, залитом синими и красными жирными готическими буквами — «Авария при крушении Восточных Врат», «Второе предупреждение о землетрясении», «Прямой эфир», — Чжэ Чауи шёл по морю.

Воспоминание о том мгновении до сих пор живо, будто это случилось вчера.

По правде говоря, не только я — каждый в этой стране чувствует то же самое. Появление Чжэ Чауи было настолько ошеломляющим. Голыми руками он сокрушал монстров, хлынувших из развернутых Врат.

После того как эту сцену показали в прямом эфире, не осталось ни одного человека в мире, кто не знал бы его. Термин «Синдром Чжэ Чауи» стал модным.

Каково это — стать напарником такого нечеловеческого Стража? Стать тенью Стража, не ведавшего ни поражений, ни неудач, ни разочарований — того, кто не стареет и не умирает, с безупречной внешностью и силой...

— ...Поехали.

Пробормотав что-то самому себе — некому было ответить, — я отвернулся. Накрыв грязные мешки брезентом в кузове и залпом осушил бутылку воды.

Когда я забрался в кабину, цифровые часы показывали четыре утра. Я вошёл во Врата около десяти вечера — значит, работал без передышки шесть часов. По крайней мере, сегодня я управился раньше срока — и то хорошо. Ещё дней десять — и можно будет вывезти все остатки.

Грязная, мерзкая работа, которой все остальные брезгуют, — для меня была вопросом выживания. Повторюсь: мне пофиг. И всё благодаря тому, что я отличаюсь от других в одном, весьма пустяковом, отношении.

Я не боюсь разбитых руин. Мне не страшно столкнуться с монстрами и быть ими растерзанным. Разбирать трупы тварей для меня не так уж омерзительно. Что поделать, если я от природы смел и обладаю крепким желудком?

Если честно, эта грязная работа мало чем отличается от подработки грузчиком на складе. Разве что специфическим запахомдохлых монстров, который въедается в потовые поры и не выветривается десять дней.

В этом году я заработал больше на уборке, чем на работе Проводником. Как Проводник я лишь числюсь в каком-то наёмном бюро, меня вызывают, когда нужно, и я успокаиваю какого-нибудь Ньютайпа.

Нетерпеливые Ньютайпы частенько насмехались надо мной. Говорили, что такой бесполезный Проводник, как я, упрямо отказывается «стараться сильнее», хотя мог бы получать в десять раз больше. Под «стараться сильнее» они подразумевали секс.

В моём удостоверении Проводника стоит класс Е. Это практически мусор. Даже если я выложусь на полную, эффект от моего Проводничества — не больше, чем от снотворного или рюмки водки. Но даже у ничтожества есть достоинство, которое он хочет сохранить. У меня было одно такое правило:

— Никогда не вступать в связь с Ньютайпами, у которых беспокойно в штанах.

Это правило я неукоснительно соблюдал последние два года. Если учесть, что моё финансовое положение с тех пор только ухудшилось, выходит, моё собственное достоинство — главное препятствие, которое делает мою жизнь невыносимой.

Но если я откажусь от этого правила, то не смогу жить в этом проклятом мире с ясной головой. Жизнь потеряет всякий смысл. Как всё в этих Вратах, пожирающих мои ночи, — притворяющихся настоящими, но на деле лживых, подделывающихся под внешний мир.

Внутри Врат не ловило радио, так что слушать было нечего. Вместо весёлых историй или песен я медленно вёл грузовик, который издавал старческое урчание, и потянулся за пачкой сигарет на пассажирском сиденье. Сунул сигарету в рот, щёлкнул зажигалкой. А потом взглянул на пустую пачку.

— Ха...

Сигареты были моей единственной слабостью. С каждым днём цены росли, и в этом месяце я

позволял себе только одну сигарету в день. Я берег их, хранил в морозилке, чтобы вкус не выветривался. Но... они кончились.

Помучившись сомнениями, я вернул сигарету обратно в пачку. Ну

жно всегда припасать на будущее. Обязательно наступит день потяжелее, когда сигарета понадобится мне больше, чем сегодня.

<http://bllate.org/book/18111/1736167>